

Каролина Сибирякова

Мужичковы сказки

В тихие сибирские вечера, когда солнышко уходило за горы, а электричество отключали, собирался стар и млад сказки мужичков местных слушать. И так привыкли к сказкам этим, что стали по ним детей своих учить.

Так это было, иль нет, а только сказки послушайте, и сами решите.

Сказка первая

Как мужик ходил Русалку добывать

— Тятя, а тятя, расскажи сказочку, — просит мальчик, сидя на печке.

— Спи, детка, спи, — отвечает ему русоволосый мужичок.

— Тятя, хоть маленькую, совсем малюсенькую.

— Ну что ты, мужик неотесанный, дитяти и сказки жалко? — встревает в разговор ворчливая баба.

— Ладно, ладно, так и быть. Расскажу я вам о том, как один молодой дурень принцессу взять в жёны хотел. Это было этак годков семьдесят назад. Я часто от стариков про то слышал. Так её,

историйку-то эту, до сих пор помню.

А началось всё с того дня, как объявил царь свою волю: кто выловит Русалку с чудного озера и доставит её во дворец, тому и отдаст он в жёны дочь свою, белолицую и томную девицу с острым носиком. Все, конечно, обрадовались. Аж дорожку в лес протоптали — столько желающих было выполнить приказ короля. Много дураков размечтались на принцессе жениться!

И в наших местах такой увалень нашёлся. В чем был, в том и собрался Русалку из озера достать. Ни снаряжения не взял, ни советам стариков не внял — втемяшил себе в голову, что принцесса, не кто-нибудь, его женой станет. И стала бы она ему потом портки стирать, а?

— Ты не отвлекайся, не отвлекайся, а то я тоже принцессой себя возомню, без харчей останешься, — вновь встряла в разговор неужёмная баба.

— Не сердись, я только так, к слову сказал. Слушайте дальше.

Звали простофилю-то деревенского Митрофаном. Плечист он был, высок, с лица миловид. Только зря он побрёл в лесную чащу. Страхи всякие о Русалке ходили. Никто не верил, что можно водяную девицу добыть. Хитрая была эта bestия сине-зеленая. Всех в темный, покрытый плесенью пруд затаскивала. Никто не мог с ней

справиться.

А Митрофан решил, видимо, поиграть с судьбой. Ранним утром вышел из дому и направился в сторону леса.

Сначала ничто не предвещало угрозы, но потом поднялся ветер, деревья закачались, листья заколыхались, издавая шелест, похожий на зовущий голос ведьм. Вечер настиг Митрофана в самой чаще. На каждом шагу казалось, что кто-то неслышно идет по пятам. Хруст сухих веток заставлял дрожать, и — страх закрался в сердце молодца. Уж думал он повернуть назад, проклял и себя, и царя, и весь свет, огляделся, а дороги-то не видать. Темно в лесу, ветер воет, ведьмы и лешие перед глазами прыгают.

Не по себе стало Митрофану. Каждый малозаметный звук — колыхание ли травы, пересвист ли птиц заставлял дрожать ещё недавно бодрого молодца. Заплакал Митрофан, понял он, что сглупил, не послушался стариков, заморочил себе мозги царской дочкой и пропадает зазря. Посмотрел по сторонам — и открылось перед ним то страшное, поблескивающее сквозь туман озеро, где нечистая сила водилась.

И решил Митрофан утопиться: разум его помутился. Вот он уже не чувствует земли под ногами. Ужас: над головой ночное тёмное небо, внизу — тихая водная гладь. Попрощался с жизнью

Митрофан, да не утонул. А очутился на руках у прекрасной Русалки. Поймала она его, привела в чувство. Увидел он звёзды. Обрадовался, обнял Русалку. И со страхом расстался со своей спасительницей.

Шутка ли, девица парня из воды вытащила. Но что ни говори, а спасла глупого Митрофана.

Как только ступил он на землю, ринулся на всех парах прочь от озера. С перепугу и дорогу назад нашёл. Возвернулся домой и, как ни в чем не бывало, на печку залез. Сидит, орехи щёлкает. Спрашивают его, мол, видел ли кого, добыл ли Русалку. А он словно воды в рот набрал, молчит. Только через три года заговорил. Так и узнали старики от глупца, как нечистая его из беды выручила.

— Слушай-ка, мужик, а кто ж этот дурень-то был? Это который Митрофан? Я, может, слыхала о нём, — вновь заговорила баба.

— Да уж как не слыхать, когда ты и видела его, и на коленях у него сидела маленькой. Это ж твой дед и был.

Напустилась тогда на мужика баба, да только сказка наша закончилась.

Сказка вторая

Уважь старикову блажь

В одной деревушке на берегу неизвестной речушки жили-были Иван, крестьянский сын, да матушка его, Пелагея. Надоело Ивану дома корзины плести и решил он на работу к кому-нибудь наняться; узнать, как люди живут, да научиться чему-нибудь.

Шёл, шёл и набрёл на одну мастерскую, где объявление висело о том, что портному помощник требуется. Попросил Иван его принять, сказал, что прилежно работу выполнять будет, и взяли его.

Хозяин шьёт, Иван подшивает. Только стар был уже портной, не всегда нитку в иголку получалось вдеть, и Ивана просил, не всегда ткань ровно по линии разрезать, тоже к Ивану обращался. Однако частенько приговаривал:

— Как я ловок, как быстр! С любым заказом даже с закрытыми глазами справиться могу.

Слушал Иван, слушал. Возьми да скажи:

— Хозяин, в таком возрасте, как у Вас, уже не может быть ни ловкости, ни прыти должной — немощь всё съела.

Портной рассердился и выгнал его.

Пошёл Иван дальше, попал к королю во дворец, там на кухню помощник требовался. Приняли Ивана.

Работает он месяц, работает два — всё нечего. Но как-то повар говорит ему:

— Сбегай, братец, ко мне домой, попроси у

моей жены приправу дать одну особенную и принеси.

Записочку ему настрочил.

Иван к повару домой прибежал, поздоровался с хозяйкой, записку передал. А жена повара была любительницей поговорить и начала:

— Красивая я женщина, как ты находишь?

Иван стоит, плечами пожимает, не знает, что ответить. Красивыми он только молоденьких девушек считал, а жене повара уже, как минимум, пятьдесят лет стукнуло.

Насупилась хозяйка, обидно ей стало, что парень такой молчаливый попался. Но не сдалась она и решила ещё раз попробовать беседу с ним завести.

— Я всех белее в округе и до сих пор высока и статна. Замечаешь?

Тут отважился Иван слово молвить и сказал правду:

— Белы Вы только благодаря белилам, высоки и статны, но шире любых двух девушек; так что больше на бочку похожи.

Заругалась жена повара на Ивана, побежала к мужу, пожаловалась, сказала, что де обозвал её парень. И повар Ивана с кухни прогнал.

Пошёл Иван дальше. Увидел мастерскую сапожника. Там тоже помощник требовался. Сам-то сапожник стар был, низок и худ, однако иглой и

шилом ловко владел. Посмотрел он на Ивана, думает: «Добре мне будет помощник» и взял парня подмастерьем.

Работает Иван день, работает неделю и все дивится ловкости рук старичка.

— Как это у Вас так искусно с кожей управляться получается? — спрашивает. А старичок в ответ:

— Я не только руками, я и ногами ловок. Могу плясовую хоть день вести.

— Ну, уж, — усомнился Иван. — Руки у Вас и в правду золотые, а ходите вы уже с трудом. Левая нога волочится немного и поясница не разгибается.

— Ах, так? Ты не веришь мне? — осердился старичок. И пустился Комаринскую отплясывать. Только присел, а встать уже не может. Подбежал тут Иван, помог ему подняться, потом до кровати дойти. Чайку вскипятил. А старичок чай попил и говорит:

— Не нужен мне больше помощник. Мастерскую закрывать буду.

Огорчился Иван. Да делать нечего. Взял котомку и домой побрёл. А как вернулся в свой дом, матушке пожаловался. Так, мол, и так, старался, работал. А всё не впрок, никому оказался не нужен.

— А ты, сынок, подробнее расскажи, как дело происходило, — не унималась мать. — Не может

такого быть, чтобы хорошо работал, и отовсюду выгнали.

Иван всё и рассказал. Не утаил и как портной хвалился своей ловкостью, когда сам уже не мог ни видеть хорошо, ни инструмент в руке держать крепко; жена повара — фигурой и лицом, а на самом деле уже нестройна и седа была; а сапожник — умением плясать без устали, когда ноги при ходьбе подкашивались. Признался, и что на его слова обиделись.

— А ведь я только правду сказал! — всхлипывая, пояснил он матери.

— Дурачок ты мой, дурачок, — ласково промолвила мать и погладила Ивана по голове. — Не нужно было таких слов этим людям говорить.

— Но я же ничего не выдумал, и обидеть никого не хотел, — оправдывался Иван.

— Не хотел, да обидел, — сказала мать. — Они ведь и сами понимали, что один уж не так ловок, другая, что не так стройна и мила, третий, что не пройтись ему в присядку.

— А зачем же тогда выдумывали того, чего нет и в помине? — хлопая заплаканными глазами, спросил Иван.

— Они счастливы были тем, что хотя бы в мечтах имели то, чем уже не могли обладать наяву. И тебе следовало молча слушать их, не расстраивать правдой.